

ТЕД ДЕККЕР

ЧЕРНОЕ

рождение зла

*Посвящаю эту книгу своим детям.
Пусть они всегда помнят о том, что
скрывается за занавесом.*

Швейцария

Его звали Карлос Миссириан. Точнее, это было одно из его имен. Он родился на Кипре.

Человека, который сидел на противоположном конце длинного стола и медленно разрезал большой красный бифштекс, звали Вальборг Свенсон. У него тоже было много имен.

Он родился в аду.

Они сидели в полутьме на расстоянии не менее тридцати футов друг от друга. Этот зал с гранитными стенами был высечен в скале, в глубине Швейцарских Альп. Мужчины ели молча. Было очень тихо. На стенах висели черные железные светильники, озарявшие пространство неярким призрачным светом. Не было ни слуг, ни мебели, ни музыки. Только великолепный обеденный стол, за которым находились Карлос Миссириан и Вальборг Свенсон.

Карлос разрезал толстый кусок говядины острым, как бритва, ножом. Мясо разделилось на две части. *Словно разверзшееся Черное море.* Он отрезал еще один кусок. В помещении не было слышно никаких звуков, кроме тех, которые издавали зубуренные ножи, резавшие мясо. Странные звуки. Особенно если знать, что именно ты слышишь.

Карлос положил кусок в рот и стал жевать. Он не смотрел на Свенсона, хотя тот, несомненно, разглядывал его своими темными потухшими глазами. На правой щеке Свенсона был виден длинный шрам. Какие черные и мертвые глаза у этого человека! Карлос сделал глубокий вдох, наслаждаясь вкусом говядины.

Очень немногие люди были способны лишить Карлоса присутствия духа. Израильтяне помогли ему стать хладнокровным еще в годы его молодости. Обычно им руководила ненависть, а не страх. И это было хорошо, ведь он был профессиональным убийцей. Но Свенсон мог бы вогнать в дрожь даже камень — хватало одного только взгляда. Нельзя сказать, что Карлос боялся этого человека, но он определенно был настороже, общаясь с ним. Нет, дело вовсе не в том,

что Свенсон мог убить или ранить Карлоса — на это вообще мало кто был способен. Карлосу стоило сделать всего одно легкое движение рукой, и нож, разрезавший мясо, оказался бы у Свенсона в глазу. Так что же так настораживало Карлоса? Он и сам не понимал.

Разумеется, Свенсон не был чудовищем из преисподней. Он родился в Швейцарии, занимался бизнесом. Владел половиной швейцарских банков и половиной фармацевтических компаний по всему миру. Да, ему действительно пришлось провести здесь, в подземном бункере в Швейцарских Альпах, чуть ли не половину жизни. Он расхаживал по нему, словно животное, которое заключили в клетку, но на самом деле был таким же человеком, как и все те, кто ходил на двух ногах. И он был так же уязвим, как любой из них. Во всяком случае, так думал Карлос.

Карлос запил очередной кусок мяса глотком сухого белого вина и впервые с тех пор, как они сели обедать, позволил себе посмотреть на Свенсона. Тот не обращал на него никакого внимания, впрочем, как обычно. Его лицо было изрыто оспинами, а длинный и острый нос казался слишком крупным. Волосы, как и глаза, были черными, крашеными.

Вдруг Свенсон перестал резать мясо. Но он и не подумал поднять глаза на своего визави. В комнате было тихо. Они сидели не двигаясь, словно статуи. Карлос продолжал наблюдать за Свенсоном, не желая отводить глаз. Необычные отношения между ними смягчало лишь то, что Свенсон также уважал Карлоса.

Внезапно банкир решительно отложил приборы, промокнул салфеткой губы и усы, встал и проследовал к двери. Он двигался медленно, словно ленивец, стараясь не наступать на правую ногу. Свенсон слегка хромал. Он никогда не рассказывал Карлосу, что случилось с его ногой. Затем хозяин вышел из комнаты, не удостоив своего соплеменника даже взглядом.

Минуту Карлос сидел молча. (Он знал, что именно столько времени понадобится Свенсону, чтобы пройти по коридору.) Затем встал со своего места и последовал за хозяином. Карлос вышел в длинный коридор, который вел в библиотеку. Он был уверен, что Свенсон скрылся именно там.

Он познакомился со Свенсоном три года назад. Тогда он работал с секретными российскими организациями. Они хотели уравновесить соотношение сил в мире, разработав новое биологическое оружие. Старая доктрина гласила: двести тысяч ядерных боеголовок, которыми располагают США, и испытания, проходящие в разных странах мира, ничего не значат, если им противопоставить мощное биологическое оружие. Если распылить в атмосфере крупных городов ка-

кой-нибудь аэрогенный вирус, люди будут совершенно беззащитны. Такое оружие способно поставить мир на колени.

Карлос ненадолго замер у ведущей в библиотеку двери, а потом резко распахнул ее. Свенсон стоял у стеклянной стены, разглядывая лабораторию. (Она находилась этажом ниже.) Теперь банкир курил сигару, и его окружало облачко сизого дыма.

Карлос проследовал мимо полок, уставленных книгами в кожаных переплетах, взял графин с виски, налил себе немного в стакан и уселся на высокий стул. Биологическое оружие ничуть не менее опасно, чем ядерное. Его легче использовать, и оно способно привести к куда более разрушительным последствиям. *Способно*. Несмотря на то, что в 1972 году СССР подписал Международную конвенцию о запрещении разработок, накопления и распространения биологического оружия, государство привлекло тысячи ученых для того, чтобы создавать новые вирусы. Как обычно, русские не спешили выполнять свои обещания. Разумеется, было объявлено, что разработки ведутся в целях самозащиты. И Свенсон, и Карлос были прекрасно осведомлены о том, как продвигается работа в бывших советских лабораториях. На самом деле так называемые «супержучки», устойчивые к воздействию антибиотиков бактерии, которые им удалось создать, были далеки от идеала. Они действовали слишком медленно, были чересчур предсказуемы, и их легко можно было нейтрализовать.

Цель Свенсона была ясна: он хотел создать чрезвычайно опасный и устойчивый вирус с инкубационным периодом не больше трех-шести недель. Кроме того, ему был нужен антивирус, который бы легко справлялся с вирусом. Свенсон отнюдь не собирался уничтожить население земного шара. Вовсе нет. Но когда он заразит новым вирусом все континенты, средство спасения должно быть у него одного.

Так Свенсон надеялся получить неограниченную власть. И для этого ему не понадобились бы солдаты. А Карлосу Миссириану удалось бы стереть с лица земли Израиль. Без единого выстрела. Разумеется, все это могло произойти только в том случае, если бы им удалось создать такой вирус и сохранить это в тайне. Все ученые мира знали, что появление такого вируса — вопрос времени.

Свенсон разглядывал лабораторию. Швейцарец носил прическу с прямым пробором, и по обеим сторонам его лица свисали черные пряди волос. В своем черном пиджаке он походил на летучую мышь. Свенсон исповедовал какую-то мрачную религию, следование канонам которой требовало долгих ночных прогулок. Карлос был уверен, что бог, которому поклонялся Свенсон, облачен в черную мантию и питается людскими страданиями. Иногда Карлос и сам не понимал, почему он так предан этому человеку. Свенсон жаждал власти,

а люди, на которых он работал, — и того больше. Для них она была словно наркотик. Карлосу было безразлично, до каких пределов дошло их сумасшествие, но он знал: такие люди, как они, получают все, чего хотят, и пока они борются за власть, он тоже получит то, что ему нужно. Он возродит ислам.

Карлос отпил немного виски. *Не было никакого сомнения в том, что один, хотя бы один из нескольких тысяч ученых, работающих в лаборатории, натолкнется на нечто подходящее. Ведь прошло уже столько лет.* У них было не менее трехсот хорошо оплачиваемых информаторов, работающих во всех крупных фармацевтических компаниях мира. Карлос очень подробно расспросил пятьдесят семь российских ученых, создававших биологическое оружие. Но им так и не удалось ничего обнаружить. Во всяком случае, того, что искали, они не нашли.

Неожиданно резко зазвонил телефон, стоящий на большом черном столе из сандалового дерева.

Никто не шелохнулся. Звонки прекратились.

— Нужно, чтобы ты полетел в Бангкок, — сказал Свенсон. Его голос напоминал звуки, издаваемые бетономешалкой, в которую случайно попали камешки.

— В Бангкок?

— Да. Компания называется «Резон Фармасьютикл».

— Это та, что разработала вакцину Резона? — спросил Карлос.

Они уже больше года следили за тем, как идет производство вакцины, в чем им помогал информатор. Карлосу всегда казалась забавной мысль о том, что в один прекрасный день французская компания, чье название переводится как «разум»*, произведет на свет вирус, который поставит мир на колени.

— Я и не знал, что их вакцина может быть нам чем-то полезна, — заметил он.

Свенсон медленно, очень медленно прохромал к столу, взял с него листок бумаги и пробежал его глазами.

— Ты, конечно, помнишь, что три месяца назад мы получили сообщение о том, что вакцина способна мутировать, хотя, впрочем, продукты мутации крайне неустойчивы.

— Да. Наш осведомитель сказал, что мутировавшая вакцина сохраняла жизнеспособность не дольше минуты. — Карлос не был ученым, но, несомненно, знал о биологическом оружии куда больше, чем обычный человек.

— Так считает Моник де Резон. Но сегодня мы получили новое сообщение от нашего человека из Центра контроля над болезнями.

* Raison (фр.) — разум, рассудок, интеллект. — *Примеч. ред.*

К ним приходил один нервный посетитель. Он утверждал, что под длительным воздействием высокой температуры вакцина Резона мутирует. В результате появляется смертельный вирус, который передается воздушно-капельным путем. Инкубационный период — три недели. То есть он может уничтожить население Земли менее чем через три недели.

— И как этот человек получил такие сведения?

— Ему приснился сон, — неохотно ответил Свенсон. — Очень необычный сон. Ему пригрезилось, будто он попал в другой мир, населенный людьми, которые считают нашу реальность сном. И еще там живут говорящие летучие мыши.

Карлос даже не знал, что сказать на это.

— Хм, говорящие мыши, значит...

— У нас есть причины не игнорировать это сообщение. Я бы хотел, чтобы ты полетел в Бангкок и побеседовал там с Моник де Резон. Если информация подтвердится, я должен получить этот вирус. Любой ценой.

У Свенсона в ЦКБ, если он не ошибается, было целых четыре осведомителя. Самые безобидные сообщения об инфекционных болезнях сразу же фиксировались в их штаб-квартире в Атланта. Свенсон, по вполне понятным причинам, был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы получать сведения обо всех новых болезнях и способах борьбы с ними. Но сны? Это было совершенно не в духе аскетичного прагматика Свенсона. Видимо, в этой новости было нечто, привлечшее его внимание. Значит, она того стоила.

Свенсон пронзил его взглядом своих черных глаз.

— Как я уже сказал, у нас есть подозрения, что этому человеку стало известно то, чего он не должен был знать. И не важно, каким способом он получил эти сведения.

— И все-таки?

— Тебя это не касается. Достаточно сказать, что нет другого способа, которым Томас Хантер смог бы узнать, что вакцина Резона способна к кратковременным мутациям.

— Совпадение, — предположил Карлос, нахмурившись.

— Я не хочу рассматривать эту возможность. Судьба мира зависит от того, сможем ли мы создать смертоносный вирус и противоядие от него. Не исключено, что мы только что обнаружили этот самый вирус.

— Я не уверен, что Моник де Резон согласится... дать мне интервью.

— Тогда заставь ее.

— А что делать с Хантером?

— Выведай у него все, что он знает, а потом убей.

1

Все началось в тот день, когда рядом с ним просвистела одинокая пуля.

Томас Хантер закрыл дверь маленькой кофейни на углу Колфакс и Девятой авеню и, как обычно, пошел домой по неярко освещенному фонарями переулку. Неожиданно шум машин на отдаленной магистрали заглушил резкий хлопок. В двух футах от его лица на красной кирпичной стене образовалась дыра размером не менее дюйма; посыпались крошки. Томас замер.

Пиу!

В этот раз он увидел, как пуля впилась в камень, и ощутил боль от царапин, оставленных крошечными осколками разбитого кирпича. Его словно парализовало.

Кто-то только что стрелял в него!

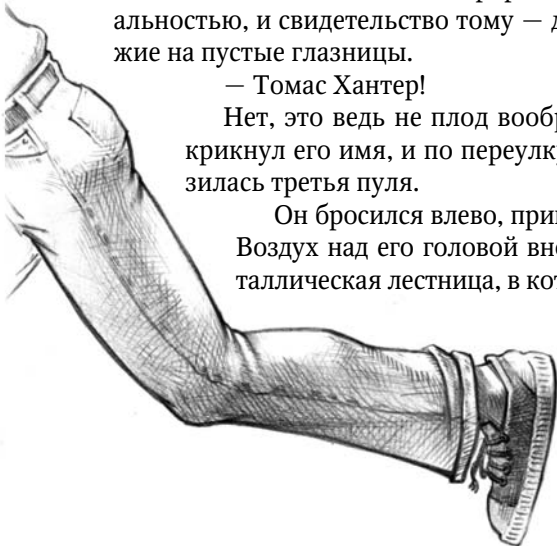
Том отскочил в сторону и присел от испуга, инстинктивно прикрывшись руками. Он не мог оторвать взгляда от двух отверстий в кирпичной стене. Они были так близко! Нет, это какая-то ошибка. Видимо, во всем следует винить его буйное воображение. Писательское вдохновение, наконец, прорвало грань между фантазией и реальностью, и свидетельство тому — две дыры в красной стене, похожие на пустые глазницы.

— Томас Хантер!

Нет, это ведь не плод воображения, не так ли? Кто-то выкрикнул его имя, и по переулку прокатилось эхо. В стену вонзилась третья пуля.

Он бросился влево, припадая к земле. Прыжок, перекат. Воздух над его головой вновь рассекла пуля. Лязгнула металлическая лестница, в которую она попала, пуля отскочила от лестницы и со звоном покатила по асфальту.

Том вскочил на ноги и изо всех сил бросился бежать. Им руководили ужас и

инстинкт самосохранения. Ему уже приходилось бывать в подобном положении. Это было на окраинах Манилы. Тогда он был подростком, а филиппинские банды были вооружены мачете и ножами, а не пистолетами, но в тот момент, когда он мчался по какому-то переулку недалеко от Колфакс и Девятой авеню, ему казалось, что разницы нет никакой.

— Считай, ты уже покойник! — услышал он сзади.

Кое-что, по крайней мере, прояснилось. Судя по выговору, они были из Нью-Йорка.

До поворота влево оставалось ярдов тридцать. В тусклом свете были видны лишь тени, но он знал, где можно срезать угол.

Рядом с ним пролетели еще две пули, причем одна из них — так близко, что он почувствовал дуновение ветерка у левого уха. Он слышал, как, тяжело топая, бегут за ним преследователи. Их было двое или трое.

Том нырнул в тень.

— Заходи сзади. Передай по рации.

Том замер на секунду, а затем вновь побежал. Мысли путались.

«Адреналин плох тем, — раздался в голове тонкий голос Макацу, — что он мешает думать. — Произнося эту фразу, его тренер по карате обычно указывал на голову и подмигивал Тому. — У тебя есть много мускулов, чтобы сражаться, но ни одного, чтобы соображать».

Если у них есть рации и они могут перекрыть улицу, его дела плохи.

Том лихорадочно огляделся в поисках убежища. Можно было бы забраться на крышу, но для этого нужно пробежать полпереулка. Огромный мусорный бак... нет, слишком далеко. Слева — какие-то разбросанные коробки. В общем, укрыться негде. И все же нужно спастись, пока преследователи до него не добрались.

Приступы паники были похожи на удары ножом. «Адреналин притупляет разум; а паника его убивает». Опять Макацу со своими поучениями. Как-то банда филиппинцев, поклявшихся убивать всех «американских собак», которые оказывались на их территории, избил Тома так, что его тело стало напоминать мясной фарш. Своей территорией они считали улицы рядом с военной базой. Учитель выбранил его: он был уверен, что Томас мог избежать нападения. Да, тогда ему пришлось дорого заплатить за приступ паники. Тогда его мозг превратился в подобие рисового пудинга. В общем, он вполне заслужил те синяки, из-за которых его глаза стали похожи на две узкие щелочки.

Но в этот раз ему грозили пули, а не удары дубинок и ног, и последствия могли быть куда серьезнее, чем раны и кровоподтеки. Все, время на размышления закончилось.

В отчаянии Том нырнул в водосточный желоб. Других идей, лучше, у него не нашлось. Шероховатый бетон оцарапал кожу. Он быстро перекатился влево, ударился о кирпичную стену и притаился в темноте, лежа лицом вниз.

Кто-то выбежал из-за угла и направился напрямик к тому месту, где прятался Том. Он был один. Как же им удалось найти его в Денвере, ведь уже прошло четыре года? Поразительно. Что ж, раз они проделали такой большой путь, то вряд ли так просто оставят его в покое.

Преследователь запыхался, но бежал быстро. Уткнувшись носом в угол, Том почувствовал неприятный запах плесени. Воздух с шумом вырывался из его ноздрей, он попытался задержать дыхание, но не смог.

Глухой звук шагов стал громче. Человек пробежал совсем близко. Затем остановился.

Мелкая дрожь сотрясала тело Тома. Он пытался противостоять новому приступу паники. Последний раз он дрался шесть лет назад. У него не было ни одного шанса на победу в стычке с вооруженным человеком. Всей душой Том желал только одного: чтобы его преследователь ушел. *«Уходи же! Уходи!»*

Но тот не ушел.

Том услышал поскрипывание подошв. Ему хотелось кричать от отчаяния. Впрочем, если он сумеет нанести противнику удар, появившись неожиданно, как из-под земли, у него появится небольшое преимущество.

Он резко рванул влево, покатился, используя силу инерции, потом поднялся на колени и вскочил на ноги. Преследователь в изумлении уставился на него, сжимая в руке пистолет.

Перекатившись, Том оказался у противоположной стены. В следующую секунду дуло пистолета озарила вспышка, на миг осветившая темный переулок. Однако теперь Томом руководила уже не паника, а инстинкт самосохранения.

«Что за обувь на мне сегодня?»

Эта мысль пронеслась у него в голове, когда он, пытаясь взобраться на кирпичную стену, занес левую ногу. Хороший вопрос.

Том уперся ногой в стену. Оказывается, он надел спортивные туфли на резиновой подошве. Еще один рывок вверх. Он откинул голову, выгнулся и, отрываясь от стены, перевернулся на полпути к земле. Похожий трюк часто исполняют велосипедисты, но Том не делал ничего подобного уже лет шесть, и в этот раз ему приходилось следить отнюдь не за мячом, отбитым одним из его друзей-филиппинцев.

В этот раз он должен был опасаться пистолета в руке врага.

Преследователю удалось выстрелить еще раз, прежде чем Том ногой выбил из его руки оружие. Пистолет с лязгом упал на мостовую.

Том тяжело приземлился на асфальт, опершись на руки, — совсем не так, как ему хотелось. Он перекатился по земле, затем вскочил и встал в седьмую боевую позицию. Перед ним стоял мускулистый мужчина с коротко подстриженными темными волосами. Маневр Тома, конечно, нельзя было назвать идеальным, но для человека, который шесть лет не вступал в бой, совсем неплохо.

Глаза бандита округлились от изумления. Видимо, его познания в боевых искусствах ограничивались впечатлениями от просмотра «Матрицы». Том едва удержался, чтобы не завопить от радости. Но сначала нужно было позаботиться о том, чтобы не закричал его *преследователь*.

Удивление на лице последнего быстро сменилось злобой. В руке он сжимал нож. Похоже, этот парень был более опытным бойцом, чем могло показаться на первый взгляд.

Незнакомец сделал выпад.

Ярость захлестнула Тома. Она помогла ему собраться. С какой стати этот человек стрелял в него? Почему он не упал на колени после того, как Том так удачно применил свой прием?

Том уклонился от ножа и ударил нападавшего в челюсть. Раздался хруст треснувшей кости.

Но этого было мало. Преследователь весил в два раза больше, чем Том, и был в два раза более мускулистым, а злобы в нем было больше раз в десять.

Том выпрямился, и, развернувшись, нанес еще один удар. Он не удержался от крика, несмотря на то что еще недавно предостерегал себя от этого. Нога, которой он ударил незнакомца по лицу, двигалась со скоростью миль восемьдесят в час, а то и быстрее.

Они упали на землю практически одновременно. Том приземлился на корточки, готовый к продолжению драки, а его тяжело дышащий преследователь — на спину. Ему оставалось готовиться только к похоронам.

Поблескивая, у стены лежал пистолет. Том сделал шаг по направлению к нему, но затем передумал. Что он будет с ним делать? Выстрелит в этого парня и убьет его? Но тогда он сам станет преступником. Нет, это просто глупо. Том повернулся и побежал в направлении, откуда появились бандиты.

Центральная улица была пуста. Он свернул на нее и помчался вперед, прижимаясь к стене. Добравшись до пожарной лестницы, схватился за металлические перила и быстро забрался наверх. Крыша дома была плоской, с южной стороны она примыкала к более высокому

зданию. Том вскарабкался на крышу соседнего строения и, пригибаясь, подбежал к большому отверстию вентиляционной трубы. Он был в квартале от того места, где нокаутировал гостя из Нью-Йорка.

Спрятавшись в тени, Том упал на колени и стал прислушиваться к глухим ударам своего сердца.

Миллионы машинных колес, шурша, катились по асфальту. Шумели двигатели летящего высоко в небе самолета. Раздавались слабые отголоски веселого разговора. Шипела сковородка, на которой жарили еду. Или то была вода, льющаяся из окна? Впрочем, он все-таки находился в Денвере, а не на Филиппинах, так что последнее маловероятно. Ньюйоркцев слышно не было.

Том лег на спину и закрыл глаза, пытаясь отдышаться.

Все-таки он сумасшедший. Одно дело — драться на улицах Манилы, будучи подростком, но здесь, в Америке? Ему уже двадцать пять лет, он давным-давно совершеннолетний. Воспоминания о событиях этого вечера казались кошмарным сном. Тому было трудно поверить в то, что все это действительно произошло с ним.

Точнее, не произошло, а *происходило*. Надо подумать. Знают ли его преследователи, где он живет? Похоже, на крыше, кроме него, никого нет.

Том подполз к краю и посмотрел вниз. Он увидел переулок, соединявший две оживленные улицы. На горизонте мерцали огни Денвера. Вдруг он почувствовал странный запах. Пожалуй, похоже на «сахарную вату», но к сладкому аромату примешивался запах резины или дыма.

Дежа вю*. Ему вроде бы уже приходилось бывать здесь. Нет, не может быть. Огни города — красные, желтые, синие — мерцали в жарком воздухе летнего вечера. Они походили на драгоценные камни, упавшие с небес. Но Том готов был поклясться, что...

Внезапно он быстро повернул голову, защищаясь, выбросил вперед руки, но было поздно. Мир полетел вверх тормашками.

Он почувствовал удар каким-то тяжелым предметом. Или то была пуля?

Том ощутил, что падает вниз, не понимая, то ли это происходит в действительности, то ли он теряет сознание. Жуткая боль в голове.

Ударившись, он приземлился на спину. В темноту, которая немедленно поглотила его.

* От фр. *déjà vu* (уже виденное). Этим термином обозначают феномен человеческой психики — иллюзию памяти, заключающуюся в том, что человек, заведомо впервые видящий какое-либо лицо, место или явление, внезапно ощущает, что оно ему уже знакомо. — *Примеч. ред.*

Мужчина открыл глаза. Небо над ним было черным, как деготь. Ни света, ни звезд, ни зданий. Только темнота. И маленький месяц в вышине.

Он заморгал, пытаясь понять, как сюда попал. Он не помнил даже, как его зовут. Все, что осталось в памяти, — воспоминание о только что приснившемся ему необыкновенно ярком сне.

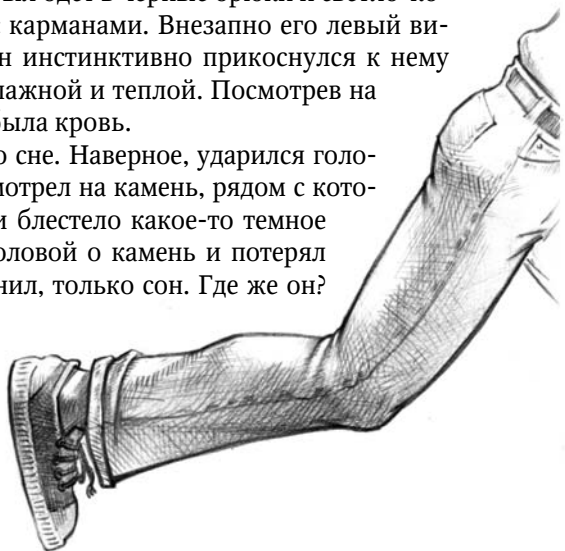
Человек закрыл глаза, борясь со сном. Да, ему привиделось, что он спасался бегством от каких-то людей, которые хотели его убить. Но ему удалось сбить с ног одного из них, а потом он, словно паук, взобрался на какую-то стену и спасся. Еще он любовался огнями города. Такие красивые, мерцающие огни... Потом он проснулся и теперь не знает, где находится.

Мужчина сел, по-прежнему не понимая, что с ним произошло. Высокие черные деревья окружали каменистый участок земли, на котором он спал. Постепенно глаза привыкли к темноте, и тогда он разглядел, что впереди находится что-то, похожее на поле.

Он с трудом встал на ноги и выпрямился. На ногах у него были кожаные мокасины. Мужчина был одет в черные брюки и светло-коричневую замшевую рубашку с карманами. Внезапно его левый висок пронзила острая боль, и он инстинктивно прикоснулся к нему рукой. Кожа виска оказалась влажной и теплой. Посмотрев на пальцы, он догадался, что там была кровь.

Получается, он поранился во сне. Наверное, ударился головой. Мужчина оглянулся и посмотрел на камень, рядом с которым лежал. На его поверхности блестело какое-то темное пятно. Видимо, он стукнулся головой о камень и потерял сознание. Но он ничего не помнил, только сон. Где же он? Явно это не город. Не было видно ни темного переулка, ни машин, ни пистолетов...

Вместо этого был каменистый участок земли и огромные

деревья. Но где именно находится этот участок? А что, если удар привел к амнезии?

И как его зовут? Ах, да — *Томас*. Точно. Тот мужчина из сна называл его Томасом Хантером. Значит, Том Хантер.

Шишка на голове сильно болела. Из раны над ухом сочилась кровь. Волосы слиплись. Да, он потерял сознание, но, к счастью, ничего хуже не произошло.

Месяц светил очень ярко, и Томас легко различал силуэты деревьев.

Он опустил руку и стал вглядываться в них. Ему было трудно думать последовательно. Массивные ветки торчали вверх. Они тянулись к небу, словно скрюченные пальцы. Кора деревьев была такой гладкой, что казалась сделанной из металла, но никак не из органического вещества.

Что это за деревья такие? Почему их вид так ему неприятен?

— Выглядит неплохо, — произнес мужской голос.

Том вскочил на ноги и обернулся.

— Что?

Рыжеволосый мужчина, одетый в точности так же, как он сам, разглядывал гору камней, которые лежали в десяти футах от них. Тому показалось, что он знаком с этим человеком.

— Вода выглядит очень чистой, — продолжил мужчина.

Том нервно сглотнул:

— Что происходит... что со мной произошло?

Он проследил за взглядом незнакомца. Тот разглядывал лужицу на большом валуне в дальнем конце участка. В выемке на камне скопилось немного воды. В жидкости было что-то странное, отталкивающее — такое, что Том, кажется, ни за что не смог бы заставить себя прикоснуться к ней.

— Мы обязательно должны выпить немного этой чудесной воды, — сказал мужчина.

— Где мы? — спросил Том.

— Хороший вопрос. — Незнакомец посмотрел на Тома, наклонил голову и усмехнулся. — Ты что, правда не помнишь? Может, ты головой ударился?

— Видимо, да. Я вообще ничего не помню.

— Как тебя зовут?

— Том. Вроде бы Том.

— Ну, по крайней мере, это тебе известно. Теперь нам остается только выбраться отсюда.

— А тебя как зовут? — спросил Том.

— Ты и это забыл? — Мужчина опять уставился на воду.

— Да.

— Меня зовут Билл, — рассеянно ответил незнакомец, потом наклонился и дотронулся до воды. Затем он поднес пальцы к носу, закрыл глаза и втянул воздух ноздрями, словно наслаждаясь изысканным ароматом.

Том огляделся по сторонам. Он страстно желал, чтобы к нему вернулась память. Странно: что-то он помнил, а что-то нет. Ему было известно, что эти высокие черные предметы называются деревьями, надетое на его тело — одеждой, а орган, качающий кровь, — сердцем. Он знал даже, что частичная потеря памяти называется амнезией. Но прошлое ускользало от него. Он не помнил, как попал сюда, не понимал, почему Билл так завороченно смотрит на воду. Да и кто он такой, этот Билл?

— Мне приснилось, будто за мной кто-то гнался по переулку, — сказал Том. — Значит, вот так мы и попали сюда?

— Ах, если бы все было так просто! Прошлой ночью мне приснилась Люси Лейн* — никогда бы не подумал, что она так меня хочет, — ухмыльнулся его собеседник.

Том прикрыл глаза, потер виски, а затем собрался с силами и сделал несколько шагов по направлению к Биллу. Он смотрел на него во все глаза, надеясь, что ему удастся вспомнить обстоятельства их встречи.

— *Где же мы находимся?*

— Вода пахнет восхитительно. Мы должны выпить немного, Том. Когда ты делал это в последний раз? — Билл рассматривал влажные пальцы.

Но Том почему-то был уверен, что им нельзя ее пить. Однако Билл явно думал по-другому.

— Нам не следует...

В темноте кто-то хихикнул. Том стал настороженно разглядывать деревья.

— Ты слышал?

— У тебя что, слуховые галлюцинации начались? — спросил Билл.

— Ну да, да! Кто-то рассмеялся. Там кто-то есть!

— Нет. Тебе послышалось...

Билл окунул пальцы в лужицу, потом поднес их ко рту и высунул язык. Одна капля упала на него.

Эффект был поразительным. Билл широко открыл рот и уставился на мокрые пальцы. Потом на его лице появилось подобие улыбки, и мужчина, зажав в рот чуть не всю ладонь, стал сосать ее с выраже-

* Люси Лейн — порноактриса, звезда «Плейбоя». — *Примеч. пер.*

нием такого облегчения и восторга, что Том решил, будто тот сошел с ума.

Вдруг Билл упал на колени и погрузил губы в лужицу воды. Он пил, фыркая, большими глотками, словно лошадь из ведра.

Потом поднялся, дрожа всем телом и облизывая губы.

— Послушай, Билл...

— А?

— Что ты делаешь?

— Я пью воду, идиот! А ты думал, я фокусы показываю? Ты что, правда... — Он замолчал, не договорив, и отвернулся. Билл провел рукой по камню и вновь погрузил пальцы в воду. Выглядело это просто отвратительно, и Тому показалось, что Билл специально его дразнит. Наверное, у этого парня окончательно съехала крыша.

— Ты тоже должен попробовать. Обязательно должен.

Затем, не говоря ни слова, Билл перепрыгнул через камень, вошел в темный лес и исчез из виду.

— Эй, Билл! — крикнул Том, вглядываясь в темноту, поглотившую его собеседника.

Что же делать? Бежать за ним? Он рванул вперед, но остановился у большого валуна.

— Билл!

Тишина.

Том сделал несколько стремительных шагов вперед, оперся левой рукой о камень, чтобы перескочить через него, и вдруг почувствовал, как его пронзил холод. Он посмотрел на руку и заметил, что один из его пальцев оказался в воде.

Ему показалось, что мир замер.

По его руке и плечу пробежал электрический ток — прямо к позвоночнику. По затылку прокатилась волна острого удовольствия. Казалось, будто кто-то толкает его к воде, умоляя погрузить губы в маленькую лужицу на камне...

Но когда нога Тома оказалась на земле, он почувствовал, как другая сила толкает его прочь от этой лужи. Жгучая боль, словно острый нож, пронзила его пятку.

Том чуть не задохнулся. А в следующее мгновение уже летел головой вперед к полю за камнем. Как только он коснулся вытянутыми руками земли, боль пронзила и их, и он понял, что совершил большую ошибку. Острые, как бритва, края тонких пластин какой-то слоистой породы резали его беззащитную плоть, словно масло. Тело скрутил приступ тошноты. Том быстро вскочил на ноги, и куски сланца стали отваливаться от его израненных рук.

Он застонал. Ему все еще трудно было мыслить последовательно. Увидев всполохи света, Том зажмурил глаза. Где-то высоко в ночном небе шелестели миллионы листьев. Это было похоже на хихиканье тысяч...

Том изумленно огляделся вокруг. *Хихиканье?* Он сходил с ума от пульсирующей боли и от страха. Ему было не по себе от того, что он здесь не один.

Футах в пяти над ним росла ветка, с которой свешивался бугристый плод размером с его ладонь, а рядом с ним — другой; вместе они походили на гроздь черного винограда. Если бы он не упал, то ударился бы о них головой.

И вдруг этот странный «фрукт» зашевелился.

Том моргнул. У «фрукта», оказывается, были крылья. Вдруг он увидел крошечную треугольную мордочку и глаза без зрачков. Огромные красные глаза. Розовый язычок высунулся из черногубой пасти, чтобы попробовать воздух на вкус.

Сердце чуть не выскочило у Тома из груди. Он уставился на соседние «плоды». Тысячи существ висели на ветках, глядя на него огромными красными глазами — слишком большими для их маленьких угловатых мордочек.

Одна из летучих мышей обнажила грязно-желтые зубы.

Том завопил. И мир вновь исчез в темноте.

3

Том медленно приходил в себя. Вдруг он вспомнил об огромных черных летучих мышах с кроваво-красными глазами. И задохнулся от приступа ужаса и отвращения — ему казалось, что в любой момент отвратительные создания могут слететь с ветки и впиться ему в шею.

Том почувствовал отвратительный запах: воняло гнилым мясом. Потом осознал, что ему и впрямь трудно дышать, так как лицо покрыто какой-то гадостью. Что это было: гнилое мясо, помет летучих мышей или...

Том открыл глаза. Что-то сидело у него на лице, закрывало ноздри, забивалось в рот.

Он дернул головой, отплевываясь. Нет, то были не летучие мыши. Вокруг лежали огромные черные мешки и пакеты; некоторые из них были порваны. Лук, помидоры, гнилое мясо. Помойка.

Крыша здания выделялась на фоне ночного неба. Точно: его ранили в голову, и он упал вниз, в переулок, в мусорный бак.

Том сидел на склизких отбросах, чувствуя приятное облегчение. К счастью, летучие мыши — это всего лишь кошмарный сон.

А банда из Нью-Йорка?

Он потянулся к краю бака, осмотрел пустой переулок. В виске закололо от боли, и Том вздрогнул. Волосы слиплись от крови, но, пуля, видимо, едва задела его. Надо было придумать, что делать дальше. Ему было неизвестно, сколько он пролежал здесь. Если недолго, то, вероятно, стрелявший в него человек скоро появится. Или, может быть, он уже был здесь, но ушел, не утруждая себя копанием в мусорном баке.

В любом случае, Том должен был бежать отсюда, пока в переулке никого не было. Его квартира находилась всего в нескольких кварталах от этого места. Ему нужно было добраться до нее как можно скорее.

А что, если они знают, где он живет? Тогда они наверняка поджидают его там.

Том выбрался из бака и помчался по переулку, оглядываясь по сторонам. Если бы бандитам был известен его адрес, они бы напали на него у дома, а не рисковали, стреляя на улице.

Он должен опередить их, чтобы предупредить свою сестру. Кара работала медсестрой и приходила со смены утром. Сейчас, наверное, полночь, если только он не пролежал без сознания несколько часов. А может, прошли уже сутки?

Голова ужасно болела, а новая белая футболка была мокрой от крови. На Девятой авеню по-прежнему полно машин. Тому придется пересечь улицу, чтобы добраться до дома, но ему было трудно представить, как он сумеет добежать до следующего перекрестка, оставшись незамеченным.

Преследователей не было видно. Том спрятался в проходе между домами и стал ждать, пока проедут машины. Потом ему нужно перепрыгнуть через живую изгородь, пробежать по парку, перелезть через бетонную стену. До дома — рукой подать.

Том закрыл глаза, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Кто бы мог подумать, что к двадцати пяти годам ему придется пройти через такое количество испытаний? Начать с того, что он родился на филиппинской военной базе. Его отец — капеллан Хантер — проповедовал любовь в течение двадцати лет, после чего бросил жену ради местной красавицы в два раза младше его. Том вырос в окружении, по сравнению с которым Бронкс — детский сад. К десяти годам он знал о мире больше, чем многие американцы узнают за всю свою жизнь.

Да что там отец... Страшнее было то, что мама от горя чуть не сошла с ума, впала в глубокую депрессию. Потому-то на него и напали теперь бандиты. Отец бросил семью, мама заболела, а Томас, старина Томас, должен был о ней позаботиться.

Да, ему пришлось прибегнуть к радикальным средствам, но ведь это сработало, не правда ли?

Наконец в непрерывном потоке машин образовалось «окно», и Том рванул вперед, чтобы пересечь дорогу. Раздался гудок. Видимо, это был какой-то добропорядочный гражданин, который уверен, что самое ужасное в жизни — это грязный «мерседес». Том быстро перебежал на другую сторону улицы, перемахнул через изгородь и потрусил по парку под освещенными фонарями деревьями.

Удивительно, насколько реальным казался ему сон о летучих мышах.

Через три минуты Том уже находился у лестницы, ведущей к его квартире на третьем этаже. Он перескакивал через две ступеньки,

беспокойно озираясь в поисках бандитов из Нью-Йорка. Никого видно не было. Впрочем, это вопрос времени.

Том проскользнул в квартиру, осторожно закрыл дверь на засов и прижался к ней ухом, тяжело дыша. Что ж, отлично. Наконец-то он дома!

Он взглянул на часы, висящие над дверью. Одиннадцать. С тех пор, как первая пуля вонзилась в кирпичную стену, прошло всего полчаса. Так много событий — за каких-то тридцать минут. Интересно, сколько времени у него осталось?

Том повернулся и подошел к сундуку, стоящему у окна. В стандартной квартире было всего две спальни, но даже очень уставший гость понял бы с первого взгляда, что ее обитатели — люди необычные, не простые.

Левая часть комнаты выглядела так, будто ее старались приспособить для экстравагантных представлений «Cirque de Soleil»*.

На стене висел огромный глобус футов шести в диаметре, разрезанный пополам, — казалось, будто он вырастает прямо из стены. Его окружали маскарадные маски. Легкий шезлонг был покрыт двумя десятками шелковых подушек различных цветов и размеров. Все это было куплено во время путешествий и по завершении иногда приносящих прибыль проектов.

На противоположной стене висели две дюжины копий и духовых ружей, привезенных из Юго-Восточной Азии. Они окружали четыре огромных щита, которые используются во время торжественных церемоний. Под ними стояло не менее двадцати деревянных фигурок, в том числе — лев чуть ли не в натуральную величину. Скульптура была вырезана из редкой и очень твердой древесины. Эти статуэтки служили напоминанием о неудачной идее импортировать экзотические предметы искусства из Азии, чтобы продавать их в художественных салонах и на блошиных рынках. Если бы Кара знала, что истинной целью предприятия была контрабанда крокодиловой кожи и птиц с райским оперением внутри этих деревянных скульптур, она бы, без сомнения, вышвырнула Тома из дома. Суровые нравы улиц Манилы многому ее научили, и, в общем, его сестра умела за себя постоять. Ей бы не помешало быть более мягкой... хотя бы иногда... К счастью, Тому удалось одуматься без ее наравоучений.

Он опустился на колени и открыл крышку старого сундука. Потом обернулся и, убедившись, что дверь заперта, стал вытаскивать наружу содержимое пахнущего плесенью ящика.

* «Cirque de Soleil» («Цирк Солнца») — знаменитый канадский цирк. — *Примеч. пер.*

Том достал огромную кипу бумаг и бросил ее на пол. Расписка была на бумаге желтого цвета, это точно. Она лежала здесь уже четыре года — с тех самых пор, как он переехал к своей сестре в Денвер. Толстая пачка бумаг выскользнула у него из рук. Он раздраженно хмыкнул. Какая тяжелая. Ужас. Прямо как кирпич. Таким и убить можно. Это, конечно, была не расписка, но бумаги привлекли его внимание. Его последнее творение — к сожалению, не принесшее успеха автору. То был замечательный роман под названием «Резонное убийство».

Вообще-то, это был его второй роман. Том засунул руку в глубь ящика и вытащил первый — «Супергерои в супертумане». Название, пожалуй, не самое удачное, но все-таки самонадеянным литературным первооткрывателям, прочесывающим земной шар в поисках второго Стивена Кинга, не стоило бы так быстро сбрасывать его со счетов... Одно из двух: или его романы великолепны, или совершенно безумны. Том и сам не знал, к чему он склоняется. А Кара считала, что в данном случае одно другого не исключает.

Кара была его кумиром.

Том держал в руках два своих романа. Если привязать их к шее, то вполне можно утопиться в каком-нибудь глубоком озере. Он устоял на название второго сочинения и задумался. На то, чтобы написать эти романы, ушло три года жизни. А потом он похоронил их в этом сундуке вместе с кучей отказов, присланных из разных издательств. Вместе с рукописями им лежать веселее...

В общем, от неприятных мыслей у него даже живот заболел. Как выяснилось впоследствии, подавать кофе в забегаловке — гораздо более прибыльное дело, чем писать романы или импортировать деревянные скульптуры из Юго-Восточной Азии. Том швырнул рукописи на пол и продолжил шарить в сундуке. Ему нужна желтая бумажка, расписка, написанная под копирку, а не напечатанная на машинке. На этом документе должно стоять имя. Он даже не помнил, кто именно одолжил ему деньги. Какой-то гангстер. Если он не найдет расписку, то не сможет ничего предпринять.

Так вот же она! Том сжал бумажку в руке, а потом стал внимательно ее разглядывать.

Да, это она. Та самая расписка. Все правильно: сумма, имя, дата. Похоже на смертный приговор. Все поплыло у него перед глазами. Да, правильно.

Конечно, он и раньше знал о ее существовании, но теперь ее можно было потрогать, и из-за этого она как будто становилась еще более реальной, чем ему казалось раньше. Настоящая расписка, чересчур настоящая.

Том опустил руку и сглотнул набежавшую слюну. На дне ящика лежало почерневшее от времени мачете, купленное им в одном из опасных районов Манилы. Он импульсивно схватил его, вскочил на ноги и подбежал к выключателю, расположенному у двери. В комнате горел яркий свет. Как глупо! А ведь, как пишут начинающие авторы, такие ошибки могут стоить человеку жизни.

Том выключил свет, задернул занавески и осторожно выглянул на улицу. Никого нет. Он опустил портьеру и обернулся. На него смотрели веселые и хмурые лица. Маскарадные маски Кары.

У него подкашивались ноги. Наверное, он потерял много крови, когда пуля ранила его в голову. Кроме того, его мучило предчувствие, что события сегодняшнего вечера — только начало, и, чтобы выпутаться из этого положения, ему понадобится нечто большее, чем несколько приемов карате и немного удачи.

Том поспешил на кухню, положил мачете на стол и набрал телефонный номер матери. Она жила в Нью-Йорке. Мать взяла трубку только после десятого гудка.

— Алло?

— Мама, это ты?

— Томми?

Он с облегчением выдохнул:

— Да, это я. Мама, у тебя все в порядке?

— А сколько сейчас времени? По-моему, уже второй час ночи.

— Извини. Прости, я просто хотел узнать, все ли у тебя хорошо.

Пауза.

— Ты уверена, что все нормально?

— Да, Томми. Все хорошо. — Она опять замолчала. — Спасибо, что позвонил.

— Не за что...

— А у вас как дела?

— Все отлично.

— В субботу я говорила с Карой. По-моему, она вполне довольна жизнью.

— Конечно. Голос у тебя веселый. — Он всегда с легкостью определял, когда она чувствовала себя подавленной. Депрессию скрыть нелегко. Последний приступ случился у нее два года назад. Что ж, остается только надеяться, что они победили чудовище.

В общем, было непохоже, что в квартире матери притаился вооруженный бандит, захвативший ее в заложницы.

— Ну, мне пора, — заторопился Том. — Позвони нам, если тебе что-нибудь понадобится.

— Конечно, милый. Спасибо, что беспокоишься обо мне.

Он положил трубку и выпрямился, опираясь о стол. Да, положение незавидное, что и говорить. К тому же совершенно непонятно, как из него выпутаться. Надо спешить.

Том взял мачете и побежал в ванную, чтобы помыть голову. Стоя у зеркала, он стал ощупывать ее в поисках раны. Кровь перестала течь, это хорошо. Но голова просто раскалывалась от боли. Похоже, у него сотрясение мозга.

Всего за пять минут он вымылся, переменял одежду и надел бейсбольную кепку. Затем вышел из ванной и без сил свалился на диван в гостиной. Кара обработает рану, когда придет домой.

Лежа на диване, он раздумывал, не позвонить ли ей на работу, но решил, что делать этого не стоит: слишком сложно объяснить, что произошло, по телефону. Перед глазами все поплыло, и он прикрыл веки.

У него был час на то, чтобы что-нибудь придумать. Хоть что-нибудь.

Но ему ничего не приходило в голову.

И тогда он заснул.